

24884

Г. А. Евреиновъ.

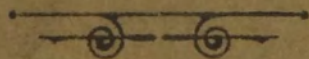

~~28703~~

Соціальныя утопіи во Франціи

ВЪ ИХЪ

связи съ революціей.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія «Россія». Бассейная, 3.

1907.

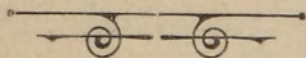
24884

Г. А. Евреиновъ.

~~28403.~~

Соціальныя утопіи во Франціи
въ ихъ
связи съ революціей.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія «Россія». Бассейная, 3.
1907.

39

Библиотека ИИФ СССР

12

81155

I.

Соціализмъ, въ широкомъ значеніи этого слова, обязанъ своимъ происхожденіемъ въ XVIII вѣкѣ нашей эры возникшимъ въ культурной средѣ того времени гуманитарнымъ стремленіямъ къ устройству общественныхъ отношеній, къ измѣненію соціальнаго строя на началахъ справедливости, свободы и равенства.

Колыбелью соціализма была Франція, гдѣ цѣлый рядъ мечтателей, философовъ и мыслителей не только высказывали соціалистическія идеи критическаго характера, но и предлагали проекты измѣненія общественнаго строя. Первое мѣсто между ними принадлежитъ Ж. Ж. Руссо, который относился къ современнымъ ему соціальнымъ порядкамъ съ беспощадной критикой. Въ своемъ „Discours sur l'origine de l'inégalité“ (1754) онъ между прочимъ говоритъ: „первый человекъ, огородившій участокъ земли кольями и дерзнувшій объявить—„это принадлежитъ мнѣ“ — „былъ первымъ грабителемъ гражданскаго общества“. Въ своемъ извѣстномъ „Contrat social“ (1762) Руссо, не считаясь съ исторіей, создаетъ идеальное государство по указаніямъ чистаго разума, подчиняя власть, законъ и собственность коллективной волѣ народа *). Свои безчестные и безнравственные поступки

---

*) Въ этомъ самомъ „Contrat social“, полномъ противорѣчій, Руссо въ другомъ мѣстѣ такъ отзывается о народѣ: „слѣпая толпа, которая часто сама не знаетъ, чего хочетъ, потому что она рѣдко знаетъ, что ей на благо“ (Une multitude aveugle ui souvent ne sait ce qu'elle veut, parce qu'elle sait rarement ce qui lui est bon).

Руссо всегда оправдывалъ благи ми на мѣреніями, — и эти отвлеченныя основы соціальной справедливости и нравственной отвѣтственности создали во Франціи настроеніе, которое пройдетъ красной нитью черезъ всю французскую революцію вплоть до диктатуры Наполеона.

Болѣе извѣстными до революціи 1789 г. критиками современнаго имъ соціальнаго строя и семейныхъ отношеній, предлагавшими ихъ измѣненіе на болѣе справедливыхъ, по ихъ мнѣнію, началахъ были во Франціи Менье, Морелли, Мабли, Буассель. Объ атеистическомъ и коммунистическомъ міровоззрѣніи Менье, священника, Вольтеръ въ письмѣ къ д'Аламберу (1762) говорилъ: „читая эту книгу, я дрожалъ отъ ужаса“.

Первая французская революція, провозгласившая свободу, равенство и братство, уничтожившая привилегіи дворянства и духовенства, не была, однако, сама по себѣ революціей, въ строгомъ смыслѣ соціалистическою. Личная собственность была провозглашена однимъ изъ священныхъ правъ гражданина, конституція 8 сентября 1791 года обусловила активное избирательное право имущественнымъ цензомъ, правда, ничтожнаго размѣра, и закономъ запрещены были какія-либо рабочія организаціи.

Тѣмъ не менѣе послѣ того, какъ власть, оторванная идеологами конвента отъ ея историческихъ корней, валяясь на улицѣ, стала достояніемъ изображавшей суверенный народъ уличной черни, именемъ которой властвовали льстившіе ея грубымъ инстинктомъ якобинцы, такіе люди, какъ Робеспьеръ, Марать, Ст. Жюсть, Шометь, Эберъ (Hebert — „Père Duchaine), Пашъ, Анрио (Henriot)*)—послѣдовалъ рядъ мѣръ соціалистическаго характера, какъ конфискація имущества, ихъ произвольное обложеніе, реквизиціи пищевыхъ продуктовъ въ интересахъ неимущихъ народныхъ массъ и т. п.

*) Превосходная характеристика дѣятелей первой французской революціи у Taine. *Les origines de la France contemporaine. Révolution*. I. 116, 169. II. 416, 419, 420. III. 159—221.

Уже неограниченное, отвлеченное народовластіе, не считающееся съ историческимъ происхожденіемъ власти и стоящее въ противорѣчїи съ либеральными доктринами конституціонализма, носить, само по себѣ, характеръ соціалистическій. Маратъ выводилъ изъ принципа народнаго суверенитета „священное право довѣрителей устранять своихъ избранниковъ“ всѣми возможными средствами. „Есть вѣчная истина,—говоритъ Маратъ,—въ которой необходимо убѣдить людей, это что самый смертельный врагъ народа—его правительство“.

Въ своемъ проектѣ деклараціи правъ человѣка и гражданина, изъ которой взяты предыдущія цитаты, Маратъ провозглашалъ слѣдующіе соціальные принципы: „Потребности человѣка служатъ единымъ источникомъ его правъ... Когда кто-либо лишенъ всего, онъ имѣетъ право вырвать у другого все излишнее, которымъ онъ ублажается. Нѣтъ, что я говорю? Онъ имѣетъ право вырвать у него все необходимое и, чтобы не погибнуть съ голоду, онъ въ правѣ его самого растерзать и пожрать его трепещущія тѣлеса... Чтобы сохранить жизнь, человѣкъ имѣетъ право покуситься на собственность, на свободу, на самую жизнь себѣ подобныхъ. Чтобы избѣгнуть притѣсненія, ему принадлежитъ право притѣснять, сажать на цѣпь, убивать (massaerer)... Далѣе Маратъ заключаетъ, что „общество обязано предоставить тѣмъ своимъ членамъ, у которыхъ нѣтъ собственности и трудъ которыхъ едва достаточенъ, чтобы удовлетворить ихъ потребности,—существованіе, обезпечивающее пищу, помѣщеніе и приличную одежду, леченіе болѣзней, уходъ въ старости и образованіе дѣтей. Тѣ, у кого есть излишекъ, обязаны удовлетворить потребности тѣхъ, у которыхъ нѣтъ необходимаго. Въ противномъ случаѣ, человѣкъ-гражданинъ, котораго общество предоставляет его нищетѣ и отчаянію, возвращается въ состояніе первобытной природы и имѣетъ право добывать вооруженною рукой тѣ преимущества, которыхъ онъ не могъ быть лишенъ безъ предоставленія ему еще большихъ. Всякая власть, которая этому препят-

ствуешь, — тираническая и судья, который его приговариваетъ къ смертной казни,—подлый убійца“.

— Самый богатый французъ,—говорилъ Робеспьеръ,—н долженъ имѣть болѣе 3,000 ливровъ дохода. Все, что необходимо для сохраненія жизни, составляетъ, по его мнѣнію, общую собственность всего общества и только излишекъ можетъ составить частную собственность.

Сенъ-Жюсть, философъ въ средѣ якобинцевъ, предлагалъ слѣдующую социальную систему: „раздѣлъ на небольшія жеребья всего національнаго имущества, составившагося изъ добычи, оставшейся отъ церквей, эмигрантовъ, казненныхъ смертью; запрещеніе всякой золотой и серебряной утвари; общественное воспитаніе дѣтей; дѣти до 16 лѣтъ не ѣдятъ мяса, а взрослые только одинъ разъ въ декаду; для всѣхъ одинаково грубая одежда, одинъ „хлѣбъ равенства для всѣхъ“ *).

Пропаганда этого якобинскаго социализма имѣла своимъ послѣдствіемъ, кромѣ отдѣльных покушеній на частную собственность, безпрестанныхъ и безнаказанныхъ, — семь послѣдовательныхъ жакерій, учиненныхъ сувереннымъ народомъ, изъ которыхъ шесть распространились на девять, десять департаментовъ, а послѣдняя—на всю Францію. Затѣмъ, велѣніемъ власти, послѣдовали лишеніе доходовъ на сотни милліоновъ и конфискація капиталовъ на милліарды, экспроприація духовенства, эмигрантовъ, вѣроисповѣдныхъ, благотворительныхъ и учебныхъ общественныхъ организацій.

Послѣ низложенія короля (10 августа 1792 г.) національное собраніе заявляетъ, что оно лишено всякой власти, что его единственное призваніе состоитъ въ томъ, чтобы предложить французскому народу избрать національный конвентъ. Национальное собраніе признаетъ коммуну и якобинцы посылаютъ делегатами по департаментамъ самыхъ крайнихъ ея членовъ, которые открыто заявляютъ,

---

*) Самъ Сенъ-Жюсть началъ свое жизненное поприще тѣмъ, что обокралъ свою мать на крупную сумму, которую растратилъ въ публичныхъ домахъ.

что законы перестали существовать, что такъ какъ властвуетъ народъ, то каждый себѣ господинъ; что фракціи сувереннаго народа могутъ принимать всякія мѣры, которыя онѣ признаютъ полезными, — таксировать хлѣбъ, казнить фермеровъ, отказывающихся везти его на рынки. Эти делегаты, а также якобинская печать проповѣдывали общность имуществъ по принципу „все принадлежитъ всѣмъ“. Признавалось необходимымъ произвести нивелировку состояній, потому что „у народа, настоящаго народа, народа сувереннаго столько враговъ, сколько во Франціи собственниковъ, богатыхъ купцовъ, финансистовъ, людей богатыхъ.... Въ революціонное время надо смотрѣть на людей, обладающихъ излишкомъ, какъ на тайныхъ или явныхъ враговъ народнаго правительства“.

Въ каждой секціи наблюдательный комитетъ, при участіи члена коммуны, указывалъ состоятельныхъ людей, опредѣлялъ ихъ доходъ по молвѣ или по своему усмотрѣнію и посылалъ имъ приказъ платить опредѣленную сумму налога съ излишка дохода по прогрессивной таксѣ. Необлагаемый доходъ опредѣлялся въ 1500 франковъ для главы семьи, и по 1000 франковъ для жены и каждого изъ дѣтей; съ излишка въ 15000—20000 франковъ брали 5000;—отъ 40000 до 50000 взыскивали 20000, при чемъ освободившійся доходъ, превышавшій 30000, поступалъ въ казну цѣликомъ.

Господство соціальной демагогіи якобинцевъ, державшееся только кровавымъ терроромъ, не могло быть продолжительнымъ. Послѣ самоистребленія, по взаимнымъ подозрѣніямъ, народныхъ вождей въ конвентѣ, комитетъ общественнаго спасенія и въ парижской коммунѣ, 9-го термидора (26 сентября 1794 г.), послѣ десяти недѣль диктатуры, палъ Робеспьеръ, ограниченный, изъ трусости кроваваго честолюбца, фанатикъ и фразеръ. Тогда же конвентъ объявилъ парижскую коммуну внѣ закона.

Якобинскій соціализмъ просуществовалъ во Франціи четыре года, показавъ наглядно, что означаетъ, при маломъ

развитіи и бѣдности народныхъ массъ, отвлеченный принципъ народовластія при практическомъ его примѣненіи.

Полезныя пріобрѣтенія революціи, — упраздненіе феодальныхъ привилегій, свобода и равноправность, безсословное народное представительство, — сдѣланы французскимъ народомъ въ ночномъ засѣданіи національнаго собранія 4 августа 1789 года.

Послѣ того для Франціи открывался тотъ-же путь мирнаго развитія конституціонализма и послѣдовательной демократизаціи учреждений, которымъ шла Англія, развивая безъ потрясеній властный парламентаризмъ и обезпечивая народу самую широкую, совмѣстимую съ порядкомъ свободу.

Увлечение отвлеченной демагогіей въ духѣ соціальныхъ теорій Ж. Ж. Руссо, цѣною кровопролитной смуты и разоренія страны, привело Францію къ военному деспотизму Наполеона, человека, который, по мѣткому выраженію Тэна, въ противоположность идеологамъ революціи, мыслилъ не словами, а образами, предметами *) („il pense les choses, non les mots.“). Главнымъ образомъ благодаря этому свойству Наполеонъ могъ успѣшно выполнить свою провиденціальную миссію, водворить во Франціи порядокъ и создать законодательство, которое давало-бы реальное огражденіе практически полезнымъ пріобрѣтеніямъ революціи и созданнымъ ею многообразнымъ интересамъ.

Относительно законовъ, имѣющихъ отношеніе къ социализму, по связи его съ рабочимъ вопросомъ, Наполеонъ, декретами 1-го декабря 1803 г. и 1 марта 1804 г., возстановилъ запрещеніе всякихъ рабочихъ союзовъ и учредилъ,

---

*) 20 іюня 1792 г., когда уличная чернь наводнила Тюлери-скій дворецъ, Наполеонъ, тогда безвѣстный молодой артиллерійскій офицеръ, смотрѣлъ на это зрѣлище въ качествѣ простаго любопытнаго и, увидавъ въ окнахъ короля въ красномъ колпакѣ, сказалъ громко: Che cognone! (какой глупецъ) и вслѣдъ затѣмъ: Comment a-t-on pu laisser entrer cette canaille: il fallait en balayer quatre ou cinq cent avec des canons et le reste courrait encore. Taine. Les origines de la France contemporaine. Du régime moderne. I. 14).

для разрѣшенія недоразумѣній между хозяевами и рабочими, совѣты свѣдущихъ людей—*Conseils des Prudhommes*,—а декретомъ 5-го іюля 1808 года объявилъ нищету преступленіемъ, а трудъ обязанностью.

Никакихъ практическихъ или конспиративныхъ проявленій соціализма въ его царствованіе не было, а также и за все время реставраціи,—іюльская революція 1830 года была исключительно политической.

II.

Во Франціи однако никогда не было недостатка въ социологахъ, стремившихся осчастливить міръ переустройствомъ его по указаніямъ ихъ богатой фантазіи, часто согрѣтой теплымъ чувствомъ гуманности, и къ болѣе извѣстнымъ писателямъ-соціалистамъ, образовавшимъ школы, принадлежатъ Бабефъ, Сень-Симонъ и Фурье. Бабефъ (1760—1797) самъ по себѣ принадлежитъ всецѣло первой революціи, но послѣдователь его и другъ Буаноррати послѣ 1830 года объединилъ около его ученія кругъ лицъ, оказавшихъ замѣтное вліяніе на тайныя революціонныя организаціи при Луи-Филиппѣ.

Ученіе Бабефа въ главныхъ положеніяхъ сводится къ слѣдующему.

сходя изъ стремленія къ достиженію общаго счастья, какъ главной цѣли государства, Бабефъ находилъ, что существованіе всѣхъ гражданъ должно быть достаточно обеспечено, безъ всякаго для отдѣльныхъ лицъ излишка, а потому требовалъ перехода собственности къ государству, которое должно предоставить работу гражданамъ, способнымъ къ труду, и содержать дѣтей, больныхъ и стариковъ. Земля, наравнѣ съ произведеніями промышленности и человѣческаго ума, должна составлять общее достояніе. Превосходство талантовъ Бабефъ признавалъ химерой и выводимое изъ этого превосходства неравенство заработка считалъ причиною возникновенія пролетаріата. Онъ не допускалъ большаго вознагражденія за умственный трудъ, на томъ основаніи, что потребности желудка у всѣхъ одинаковы.

Пороки и преступления Бабефъ считалъ послѣдствіемъ неправильнаго распредѣленія продуктовъ.

По приговору верховно-національнаго суда Бабефъ былъ казненъ въ 1797 году за возбужденіе народа, въ рѣчахъ и печати, противъ частной собственности.

Сенъ-Симонъ (1760—1825). De Saint-Simon былъ богатымъ человѣкомъ знатнаго происхожденія, получившимъ прекрасное образованіе, при чемъ склонность къ философскимъ занятіямъ пробудилъ въ немъ и развилъ Д'Аламберъ. Онъ принималъ участіе въ американской освободительной войнѣ, путешествовалъ въ Англіи и Германіи. Когда послѣ роскошной и разсѣянной жизни Сенъ-Симонъ впалъ въ крайнюю бѣдность, онъ обратился къ литературному труду.

Его социальная система, изложенная въ „Lettres d'un habitant de Genève à ses contemporains“, въ „Catéchisme politique des industriels“ и въ „Nouveau christianisme“, — среди чисто фантастическихъ построеній, обнаруживаетъ стремленіе дать научное пониманіе общественныхъ отношеній. Всѣ люди должны работать и работа ихъ должна приблизить человѣческій разумъ къ божественному Провидѣнію. Высшій совѣтъ мудрецовъ и геніевъ будетъ руководить работами, направляя свои усилія къ познанію вліяній міроваго тяготенія, какъ единственному закону, которому подчинена вселенная. Законъ тяготенія долженъ быть разсматриваемъ съ точекъ зрѣнія научной, религіозной и политической. Религія должна быть приведена въ гармонію съ наукой. Духовную власть слѣдуетъ вручить ученымъ, какъ обладающимъ силой умственной, а свѣтская должна принадлежать промышленникамъ, такъ какъ имъ принадлежитъ матеріальная сила и они производятъ богатство. Подъ промышленниками С. Симонъ понимаетъ земледѣльцевъ, лицъ, занимающихся обрабатывающею промышленностью, не дѣлая различія между рабочими и предпринимателями, — и купцовъ. Вождей должны избирать всѣ и правящимъ не полагается иного вознагражденія кромѣ уваженія. Религія должна направлять общество къ великой цѣли возможно

скорѣйшаго улучшенія участи бѣднѣйшаго класса, что соотвѣтствуетъ и интересамъ богатыхъ и могущественныхъ.

Соціальная система С. Симона получила дальнѣйшее развитіе въ трудахъ его послѣдователей, образовавшихъ школу сенъ-симонистовъ.

Основной недостатокъ существующаго соціального и экономическаго строя сенъ-симонисты видѣли въ отсутствіи общественной солидарности, въ беспощадной конкуренціи и принципъ „laissez faire, laissez passer“ господствующихъ всюду,—въ промышленности, наукѣ, искусствѣ и политикѣ. Соціальное попеченіе должно замѣнить этотъ эгоизмъ общества. Во всѣхъ отрасляхъ дѣятельности, но въ особенности въ промышленности эксплуатацію человѣка человѣкомъ могутъ предотвратить только ассоціаціи.

Люди, сообразно характеру ихъ дѣятельности, подлежатъ раздѣленію на три класса: духовные и художники (чувство), ученые (мысль), промышленники (дѣятельность) и соотвѣтственно такому дѣленію требуется полное преобразование воспитанія, законодательства и собственности.

Воспитаніе имѣетъ двоякое назначеніе: воспитать человека соціальнымъ и религіознымъ существомъ и приготовить его къ той дѣятельности, къ которой онъ предназначенъ, а такъ какъ всѣ люди будутъ распределены по указаннымъ тремъ классамъ, то требуется по три категоріи всеобщаго и промышленнаго воспитанія.

Сенъ-симонисты признавали собственность и отвергали равномерное распределеніе имуществъ, почитая природное неравенство людей основой ассоціаціи и необходимымъ условіемъ соціального порядка, но они требовали уничтоженія всѣхъ привилегій рожденія и сообразно съ этимъ уничтоженія права наслѣдованія, которое предоставляетъ распределеніе общественныхъ преимуществъ игрѣ случая и обрѣкаетъ самый многочисленный классъ на нищету, развратъ и невѣжество. Всѣ орудія труда, земля и капиталы должны быть соединены въ одинъ соціальный фондъ, подлежащій эксплуатаціи общества по указаніямъ общественной іерар-

хія, такимъ образомъ, чтобы дневной трудъ каждого былъ выраженіемъ его способности и богатство его мѣриломъ его трудовъ. Лозунгомъ сенъ-симонистовъ въ этомъ отношеніи было: „каждому по его способностямъ, каждой способности по ея дѣламъ“.

Вѣнецъ всей общественной жизни есть религія, познаніе Бога и промысла Божія. Но догма христіанства уже не можетъ удовлетворить современнымъ требованіямъ по своей односторонности. Оно добромъ признало только духъ, все же тѣлесное и матеріальное признало зломъ, требуя его подавленія. Сенъ-симонисты возвѣстили ученіе о реабилитации плоти, находя, что тѣло, также какъ и духъ есть проявленіе силы Божіей и его любви.

При томъ значеніи, которое сенъ-симонисты придавали религіи, они и руководящую роль въ обществѣ представляли священнослужителю, которому подчинены органы науки и промышленности. Священнослужитель, ученый и промышленникъ представляютъ любовь, мысль и силу, три іерархическія степени на которыхъ покоится общественный порядокъ, при чемъ связь этихъ степеней образуетъ іерархію общества.

По женскому вопросу между двумя руководителями школы, Базаромъ (Bazard) и Анфантонамъ (Enfantin), возникли серьезныя несогласія. Оба они сходились на слѣдующемъ пониманіи общественной роли женщины, которое изложили въ письмѣ, съ которымъ обратились въ палату депутатовъ по поводу взведенныхъ на сенъ-симонистовъ обвиненій относительно общности женъ и имущества. „Христіанство освободило женщину отъ рабства, но сковало ее религіозными, политическими и гражданскими узами. Сенъ-симонисты требуютъ полного ея освобожденія, не уничтожая этимъ священнаго установленія брака. Они подчиняются этому установленію съ тѣмъ большимъ основаніемъ, что сообщаютъ силѣ сочетанія новую святость“ (ученіе о реабилитации плоти). „Они требуютъ, чтобы каждый мужчина имѣлъ одну жену, но чтобы женщина была связана съ мужчиной въ тройной функціи храма, государства и семьи,

настолько, чтобы социальный индивидуумъ представлялъ не одинъ мужчина, но мужчина и женщина вмѣстѣ. Религія С.-Симона кладетъ конецъ позорной имущественной брачной сдѣлкѣ, легальной проституціи, такъ часто теперь освящающей, подъ именемъ брака, чудовищное соединеніе преданности и эгоизма, образованности и невѣжества, юности и дряхлости“.

Анфантенъ шелъ, однако, дальше этого. Онъ требовалъ полной эмансипаціи женщины и признанія, что миссіей священнослужителя будетъ развитіе чувственныхъ и плотскихъ побужденій; онъ ихъ будетъ регулировать и заботиться о возможно большей красотѣ сочетанія прелести стыдливости съ граціей самозабвенія и желанія“.

Раздорамъ этимъ приписываютъ смерть Базара отъ разрыва сердца, послѣ чего сторонники его вышли изъ школы, а Анфантенъ съ учениками были въ 1832 году привлечены къ отвѣтственности и осуждены по обвиненію въ преступленіи противъ нравственности. За этимъ осужденіемъ школа сенъ-симонистовъ прекратила свое существованіе.

Фурье (1772—1837) началъ свое жизненное поприще торговымъ приказчикомъ, промѣнявъ впослѣдствіи эту профессію на занятіе мелкимъ маклерствомъ, чтобы располагать досугомъ для пополненія своего образованія. Въ 1803 г. онъ помѣстилъ въ „Bulletin de Lyon“ статью „Triumvirat continental et paix perpetuelle sous trente ans“, обратившую на себя вниманіе Наполеона. Въ ней Фурье проводилъ мысль объ обращеніи Европы въ одну Имперію.

Свой планъ преобразованія всего общественнаго строя Фурье изложилъ впервые въ 1808 году въ „Theorie des quatre mouvements“. Вотъ сущность его ученія. Цѣль человѣческихъ стремленій есть счастье, которое заключается въ обладаніи средствами, необходимыми для удовлетворенія страстей. Страсти Фурье раздѣляетъ на три категоріи: матеріальныя, душевныя и интеллектуальныя. Матеріальныхъ страстей пять, сооветствующихъ пяти чувствамъ—удовлетвореніе ихъ доставляетъ наслажденія тѣлу. Страстей

душевныхъ четыре,—ихъ вызываетъ стремленіе къ общенію съ другими людьми: симпатія, любовь, семейственность и честолюбіе (страсть корпоративная). Интеллектуальныя страсти направлены къ соревнованію, творчеству и разнообразію. Только удовлетвореніе всѣхъ этихъ страстей обратитъ трудъ изъ наказанія, мученія, въ источникъ наслажденія. Страсти должны объединить людей въ группы, а группы, въ числѣ не менѣе трехъ, соединяются въ серію. Въ стремленіи къ соревнованію люди соединяются въ соперничающія группы одной серіи; чтобы удовлетворить страсть къ творчеству и разнообразію, человѣкъ примыкаетъ одновременно къ нѣсколькимъ серіямъ и группамъ. Достигается все это раздѣленіемъ человѣчества на фаланги въ 1600—1800 членовъ, мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Каждая фаланга, раздѣленная на серіи и группы, обрабатываетъ опредѣленный участокъ земли. Каждая фаланга обитаетъ въ фаланстерѣ, громадномъ зданіи, въ которомъ имѣются мастерскія для всѣхъ отраслей промышленности. Продукты производства дѣлятся между тремя его факторами: капиталомъ, трудомъ и талантомъ, при чемъ каждый членъ фаланги можетъ принимать участіе во всѣхъ трехъ доляхъ—какъ капиталистъ, рабочій и обладатель таланта. Каждая фаланга производитъ продуктъ, соотвѣтствующій свойствамъ почвы, и отдѣльныя фаланги обмѣниваются продуктами своего производства.

Главный недостатокъ существующей общественной системы Фурье видѣлъ въ томъ, что цѣлые слои населенія наслаждаются богатствомъ, не трудясь, тогда какъ для рабочихъ трудъ, единственный источникъ богатства, сталъ въ современномъ обществѣ проклятіемъ, такъ какъ каковы-бы ни были ихъ способности и склонности, они всю свою жизнь исполняютъ одно и то же занятіе и, трудясь непрерывно, никогда не получаютъ полнаго вознагражденія.

Лозунгъ фурьеризма—„всякому соотвѣтственно его капиталу, его труду и его таланту“.

Весьма долго Фурье имѣлъ единственнымъ ученикомъ

Жюста Мьюронъ; къ нему впослѣдствіи примкнулъ Консидеранъ (*Considerant*), въ которомъ фурьеризмъ нашелъ пылкаго и убѣжденнаго дѣятеля и распространителя. Съ распадомъ школы сенъ-симонистовъ многіе изъ нихъ присоединились къ школѣ Фурье.

Во Франціи трижды были произведены практическіе опыты устройства фаланстеровъ. Въ 1832 году, еще при жизни Фурье, Боде-Дюларю предоставилъ съ этою цѣлью въ его распоряженіе 500 гектаровъ земли, но предпріятіе это рушилось прежде достройки зданія. Въ 1841—1842 г.г. построенъ былъ фаланстеръ въ *Citeaux-sur-Dijon* на средства англичанина Артура Юнга, но и здѣсь дѣло было брошено до его осуществленія. Третій опытъ былъ произведенъ въ Алжирѣ, гдѣ куплено было 1300 гектаровъ плодородной земли и выстроено было зданіе, стоившее 450.000 франковъ, но результаты оказались столь-же неблагоприятны.

Многочисленные, но безуспѣшные опыты осуществленія соціальной теоріи Фурье были произведены въ Англіи и Америкѣ.

Соціалистическія школы Сенъ-Симона и Фурье считали возможнымъ осуществить свой соціальный идеалъ мирными средствами. Такимъ-же мирнымъ характеромъ отличались и „Икарійцы“, общество вдохновившееся коммунистическимъ ученіемъ Кабе (*Cabet*. 1788—1856). По профессіи Кабе былъ адвокатъ.

Кабе не признавалъ возможнымъ создать коммунистическое общество посредствомъ насильственнаго переворота. По его мнѣнію, достигнуть этой цѣли можно только путемъ поученія и убѣжденія. Для распространенія своего ученія Кабе издавалъ журналъ „*Populaire*“, имѣвшій во Франціи большое распространеніе, при чемъ его корреспонденты и сотрудники были вмѣстѣ съ тѣмъ дѣятельными агитаторами коммунизма. Комитеты „Икарійцевъ“ Кабе устроилъ во всѣхъ важнѣйшихъ городахъ Франціи и коммуны „Икарійцевъ“ основалъ въ Техасѣ и около Сенъ-Луи въ Америкѣ.

Этотъ мирный коммунизмъ создавалъ, однако, во Франціи, въ части общества и среди рабочихъ, настроеніе, благоприятное для воспріятія и ученій революціоннаго, боевого социализма. Почти все царствованіе Луи-Филиппа, обязаннаго воцареніемъ революціи, было полно всевозможныхъ революціонныхъ волненій и возстаній.

Республиканская партія, составленная преимущественно изъ рабочихъ и студентовъ, имѣя вождями наиболѣе рѣшительныхъ участниковъ іюльской революціи, образовала первоначально „общество друзей народа“ (*Société des amis du peuple*), которое въ 1832 г. было закрыто послѣ того какъ вызвало въ Парижѣ бунты въ 1830 и 1831 г. Послѣ него образовалось „*Société des droits de l'homme*“, которое въ 1833 г. насчитывало уже до 3000 членовъ.

Общество это было организовано на подобіе арміи и раздѣлено на секціи изъ двадцати человѣкъ (чтобы сообразоваться съ закономъ, воспрещавшимъ ассоціаціи, заключающія болѣе двадцати членовъ). Секціи соединялись въ серіи. Секція и серія имѣли каждая своихъ начальниковъ. Члены „*Société des droits de l'homme*“ образовали такую-же организацію въ Ліонѣ и по тому-же образцу были организованы затѣмъ замѣнявшія одно другое послѣ закрытія ихъ правительствомъ „*Société de familles*“ въ 1837 году и „*Société des saisons*“, въ 1839 году.

Въ 1832 г. „*Société des droits de l'homme*“ руководило возстаніемъ рабочихъ въ Ліонѣ, при чемъ власть въ теченіе десяти дней находилась въ рукахъ возставшихъ, которые хотя и не знали, какое изъ нея сдѣлать употребленіе и порядокъ былъ затѣмъ легко возстановленъ,—но обстоятельство это внушило ліонскимъ рабочимъ сознаніе ихъ силы при условіяхъ классовой солидарности. Это понудило вождей движенія организовать рабочихъ въ общество взаимной помощи подъ названіемъ „мутуалистовъ“ (*Mutualistes*), состоявшее изъ 122 ложъ, по 20 членовъ въ каждой. Общество имѣло общую кассу и свою газету.

„*Société des droits de l'homme*“ устроило возстаніе

въ 1832 г., когда восточные кварталы Парижа находились въ продолженіе одной ночи во власти возставшихъ, которые были затѣмъ выбиты изъ своихъ позицій и окружены войсками.

Въ 1834 г. рабочіе въ Ліонѣ опять возстали вслѣдствіе закрытія правительствомъ общества „мутуалистовъ“. До усмиренія возставшихъ, бой продолжался четыре дня. Готовившееся въ то же время возстаніе въ Парижѣ было дезорганизовано своевременнымъ арестомъ вождей, 150 членовъ „S. des droits de l'homme“.

Около этого времени была закрыта газета союза „Tribune“, противъ которой въ теченіе четырехъ лѣтъ было возбуждено 111 преслѣдованій, при чемъ отвѣтственные ея руководители были приговорены за это время къ 49 годамъ тюремнаго заключенія и къ 157.000 франковъ штрафа.

Для борьбы съ революціоннымъ союзомъ республиканцевъ были изданы исключительные законы: объ оскорбленіи короля и парламента и противъ мятежныхъ воззваній (1830), противъ сборищъ (1831), противъ мятежныхъ возгласовъ (1834), противъ недозволеннаго храненія оружія, противъ ассоціацій и законъ о сужденіи верхней палатой парламента преступленій, угрожающихъ безопасности государства.

Въ силу послѣдняго закона были соединены въ одинъ грандіозный процессъ всѣ дѣла о возстаніяхъ 1834 года въ Парижѣ, Ліонѣ и другихъ городахъ (procès monstre). По этому дѣлу изъ 2000 арестованныхъ предано было суду 164 обвиняемыхъ, заслушано 4000 свидѣтелей и приобщено къ дѣлу 17.000 бумагъ и документовъ. Обвиняемые, признавъ этотъ судъ не законнымъ, отказались отвѣчать на вопросы и даже присутствовать въ засѣданіи, такъ что осужденіе ихъ послѣдовало въ ихъ отсутствіи.

Республиканская партія, лишившаяся послѣ этого своихъ вождей, уже не устраивала новыхъ возстаній, если не считать незначительнаго бунта, вызваннаго въ 1839 г. Бланки *)

*) Blanqui (1805—1881), домашній наставникъ, изучавшій попеременно право и медицину. Уже въ резолюціи 1830 г., сра-

и Барбесомъ *) въ составѣ общества „Les Saisons“. Это послѣднее тайное общество продолжало существовать, но обезоруженное, бездѣйствовало и въ числѣ своихъ вождей имѣло полицейскаго агента (la Hodge).

Кромѣ бунтовъ и возстаній со стороны отдѣльных революціонеровъ послѣдовало, между 1835 и 1846 г.г., шесть покушеній на жизнь короля.

За время борьбы противъ монархіи республиканская партія раздвоилась. Общая цѣль обѣихъ половинъ заключалась въ возстановленіи республики съ возвращеніемъ къ конституціи 1793 г. и во введеніи всеобщаго избирательнаго права, взамѣнъ закона, предоставлявшаго права избирателей только лицамъ уплачивавшимъ не менѣе 200 франковъ налога,—но относительно значенія желательной революціи мнѣнія расходились.

Прежде всего разномысліе возникло относительно природы права собственности. Тогда какъ чистые республиканцы держались по этому предмету текста „декларации правъ“ принятаго конвентомъ, считавшимъ право собственности натуральнымъ правомъ, а потому неотъемлемымъ и неизмѣняемымъ,—Кавеньякъ предлагалъ руководствоваться проектомъ декларации, предложеннымъ Робеспьеромъ, въ которомъ

жался на барикадахъ и съ тѣхъ поръ принималъ дѣятельное участіе во всѣхъ происходившихъ въ Парижѣ возстаніяхъ. Бланки былъ по природѣ заговорщикомъ, безъ опредѣленной политической или соціальной доктрины. Революціонеровъ этого типа называютъ бланкистами. Бланкизмъ составляетъ отличительное свойство русскихъ социалистовъ-революціонеровъ.

*) *Barbes* (1809—1871) по окончаніи образованія прибылъ въ Парижъ и съ тѣхъ поръ принималъ видное участіе въ республиканской партіи и вызванныхъ ею возстаніяхъ. За бунтъ въ 1839 г. былъ, какъ руководитель, приговоренъ къ смертной казни. Его молодость, красота, откровенность показаній и самоотверженное поведеніе на судѣ,—онъ принималъ всю вину на себя,—вызвали въ Парижѣ общее движеніе въ пользу его помилованія. Викторъ Гюго обратился по этому предмету къ Луи-Филиппу съ просьбою въ стихахъ. Смертная казнь была ему замѣнена пожизненнымъ заключеніемъ. Освобожденный въ 1848 г. онъ участвовалъ въ революціи. Пробывъ на свободѣ менѣе трехъ мѣсяцевъ, онъ былъ снова приговоренъ къ пожизненному заключенію. Въ 1854 г. Барбесъ былъ помилованъ Наполеономъ III, послѣ чего жилъ и умеръ въ Гагѣ.

право собственности формулировано было такъ: „собственность есть право принадлежащее каждому гражданину на пользование (*jouissance*) той части имуществъ, которая ему обезпечена закономъ“. По этой версіи право собственности имѣетъ свой источникъ въ законѣ, который можетъ слѣдовательно его и измѣнять.

Послѣ этого отъ республиканской партіи откололась социалистическая фракція, состоявшая преимущественно изъ рабочихъ, руководимыхъ молодежью, и составила социалистическую партію (*parti social*), которая стала смотрѣть на учрежденіе республики только какъ на средство достигъ социальной реформы.

Эта партія руководила тайными обществами и устраивала возстанія; она приняла красный флагъ, какъ символъ социальной революціи. Въ манифестѣ 1832 г. партія объявляла: „Мы имѣемъ въ виду не столько политическую перемѣну сколько переворотъ социальный (*refonte sociale*). Распространеніе политическихъ правъ, реформа избирательная, всеобщее голосованіе прекрасныя вещи, но только какъ средство, но не какъ цѣль. Наша цѣль, — это справедливое распредѣленіе въ обществѣ, какъ тягостей (*charges*) такъ и преимуществъ, это установленіе господства полного равенства“.

Партія эта первоначально не имѣла никакой опредѣлительной доктрины и получила таковую только благодаря „чудовищному процессу“ 1834 г., о которомъ говорено выше. Тысячи обвиняемыхъ вмѣстѣ содержались въ тюрьмѣ болѣе года. Тамъ они познакомились съ Буонаротти, коммунистомъ 1795 года, авторомъ книги *Histoire de la conspiration de Babeuf*. Книга эта, изданная еще въ 1820 г. никакой извѣстностью не пользовалась, а теперь ее стали читать, доктрина Бабефа создала послѣдователей, образовалась партія, получившая названіе коммунистической. Среди рабочихъ начинаютъ пользоваться извѣстностью ближайшіе ученики Буонаротти—Буайе-д'Арженсонъ, написавшій книгу „*Boutade d'un homme riche à sentiments populaires*“.

(1833) и Шарль Тестъ, опубликовавший законопроектъ, въ основѣ котораго положены слѣдующія два начала: 1. Всѣ движимыя и недвижимыя имущества, находящіяся въ области данной націи и во владѣніи членовъ общества, принадлежатъ народу, который одинъ имѣетъ право ихъ распредѣлить. 2. Трудъ есть долгъ, обязательный для каждаго здороваго члена общества. Общество „des Saisons“ ставитъ себѣ вопросъ: „Должны-ли мы совершить реформу политическую или соціальную?“ и отвѣчаетъ: „реформу соціальную“, а средство ея осуществленія, „диктаторіальная власть, имѣющая миссіей руководить революціоннымъ движеніемъ“.

Въ то же время Луи-Бланъ (Blanc. 1811—1882. Сынъ финансоваго инспектора короля Жозефа Бонапарта) редактировалъ демократическую газету *de Bon Sens*, а затѣмъ *Revue du progres*. Въ 1839 г. Л. Бланъ напечаталъ книгу *Organisation du travail*. „Онъ предлагалъ въ ней устройство на средства государства національныхъ мастерскихъ, въ которыхъ рабочіе сами руководили-бы работами и дѣлили-бы между собою произведенія труда. Въ противоположность коммунизму Бабефа это политико-соціальное ученіе стали звать социализмомъ*). Оно было очень скоро усвоено рабочими.

Революціонная программа, захваченная въ 1840 г., провозглашала слѣдующіе принципы; „мы хотимъ общественное устройство рабочихъ, то есть уничтоженіе эксплуатаціи человѣка человѣкомъ, созданіе національныхъ мастерскихъ, въ которыхъ цѣна труда распредѣлилась бы между рабочими, гдѣ не было-бы ни слугъ, ни господъ“.

Ледрю-Ролень (Ledru-Rolin), единственный депутатъ, примыкавшій къ социалистамъ, говорилъ въ своемъ исповѣданіи вѣры: „Пройдя черезъ политическій вопросъ, достигнуть соціального улучшенія,—таковъ путь, характеризующій демократическую партію“.

Группа враговъ монархіи основала въ 1843 г. журналъ *La Réforme*, какъ органъ демократической партіи. Луи-

*) Слово „socialisme“ вошло въ употребленіе съ 1832 г.

Бланъ, редактировавшій программу этого изданія, клалъ въ основу ея равенство и ассоціацію. „Конечная цѣль ассоціаціи есть удовлетвореніе потребностей интеллектуальныхъ, моральныхъ и матеріальныхъ всѣхъ и каждого“.

Программа эта требовала всеобщаго избирательнаго права, вознагражденія депутатовъ, коммунальныхъ и даровыхъ школъ, обязательной воинской повинности безъ замѣстительства и организаціи труда, чтобы поднять рабочаго со степени наемника до положенія товарища (*associé*). Демократическая партія вообще усвоила себѣ отчасти социалистическую программу и редакція *La Rèforme* состояла въ сношеніяхъ съ тайными обществами; но значеніе этой партіи было весьма ограничено.

Нѣмецкій ученый Лоренцъ-Штейнъ, изучившій социализмъ и коммунизмъ во Франціи и издавшій по этому предмету въ 1842 г. сочиненіе (*Socialismus und communismus des heutigen Frankreichs*) уже тогда, однако, предсказывалъ, что будущая революція во Франціи будетъ не политической, и социальной.

Революція эта разразилась совершенно неожиданно для страны, правительства, парламента и даже для самихъ революціонеровъ.

Конституціонный аппаратъ,—въ основѣ котораго лежалъ избирательный законъ (марта 1831 г.) предоставившій право избирателей лицамъ уплачивавшимъ 200 фр. налоговъ и право быть избраннымъ тѣмъ, кто обложенъ былъ налогами свыше 750 фр.—дѣйствовалъ повидимому въ условіяхъ строгой легальности и чистаго парламентаризма. Министерство правило всегда въ согласіи съ большинствомъ законодательнаго собранія.

Луи-Филиппъ, въ первыя десять лѣтъ своего царствованія не охотно подчинялся формулѣ Тьера,—„*le roi regne et ne gouverne pas*“ и перемѣнилъ за это время десять министерствъ, но съ 1840 по 1848 г. сохранилъ исполнительную власть неизмѣнно въ рукахъ одного министерства Гизо, съ которымъ находился въ полномъ единомысліи. Гизо созда-

валъ преданное ему большинство въ палатѣ не безъ поблажекъ личнымъ интересамъ избирателей, а чтобы поддержать усердіе большинства депутатовъ въ отстаиваніи правительственной политики, не скупился на предоставленіе имъ всевозможныхъ выгодъ, въ томъ числѣ и должностей на государственной службѣ; такихъ депутатовъ - чиновниковъ было до 200, и въ охотникахъ на такое совмѣстительство недостатка не было, такъ какъ депутаты вознагражденія за исполненіе своихъ обязанностей не получали.

Оппозиція въ палатѣ состояла изъ небольшого числа легитимистовъ и слѣдующей группы лѣвыхъ: лѣвый центръ (Тьеръ), династическая лѣвая (Оддилонъ Барро) и малочисленная группа радикальной лѣвой (Араго). Она упрекала министерство за подкупы избирательный и депутатовъ, за бездѣйствіе во внутренней политикѣ и за излишнее миролюбіе во внѣшней, въ особенности въ отношеніяхъ къ Англіи.

Но главнымъ лозунгомъ оппозиціи была „la reforme“, это означало реформу палаты депутатовъ, преимущественно избирательнаго закона. Правительство поступило-бы разумно и предусмотрительно согласившись дать избирательному закону болѣе широкое основаніе тѣмъ болѣе, что требованія лѣвыхъ были въ этомъ отношеніи весьма умѣренны: династическая лѣвая желала уменьшенія избирательнаго ценза и предоставленія избирательныхъ правъ такъ называемымъ „capacités“: присяжнымъ засѣдателямъ, назначаемымъ королемъ чиновникамъ, факультетскимъ чинамъ (*gradués des Facultés*), нотариусамъ, офицерамъ національной гвардіи, совѣтникамъ городскихъ муниципалитетовъ,—только Араго и Ледрю-Ралленъ требовали всеобщаго голосованія. Лѣвый центръ (Тьеръ) былъ первоначально равнодушенъ къ избирательному закону и только въ 1846 г. присоединился къ умѣренной программѣ династической лѣвой (Оддилонъ-Барро). Упрямый Гизо отвергалъ необходимость какой-либо избирательной реформы, находя, что число избирате-

лей само собой растетъ съ увеличеніемъ народнаго благосостоянія. „Обогащайтесь трудомъ“, говорилъ онъ, „и вы станете избирателями“. Что касается всеобщаго голосованія, то онъ рѣшительно отказывался даже обсуждать „эту нелѣпую систему, которая призвала-бы всю сущую тварь (*creatures vivantes*) къ пользованію политическими правами“.

Въ парламентскую сессію 1847 г. внесено было дѣльное предложеніе объ увеличеніи числа депутатовъ съ 459 до 538 съ пониженіемъ ценза до 100 франковъ, но оно было отвергнуто 252 голосами противъ 154.

Послѣ этого оппозиція приступила къ дѣятельной агитаціи въ пользу избирательной реформы внѣ стѣнъ парламента и однимъ изъ главныхъ средствъ этого движенія были „реформистскіе обѣды“. Устраивавшая ихъ династическая лѣвая палата депутатовъ имѣла въ виду главнымъ образомъ вызвать общественное настроеніе, враждебное правительству Гизо. На этихъ банкетахъ провозглашались тосты за короля и за реформу. Примѣру этому послѣдовали и республиканцы, при чемъ на одномъ парижскомъ банкетѣ они провозгласили тостъ „за улучшеніе участи трудовыхъ классовъ“. На нѣкоторыхъ банкетахъ въ провинціи не было провозглашено тоста за короля. Движеніе это было отмѣчено въ тронной рѣчи 28 декабря 1847 г. фразой осуждающей агитацію „которую возбуждаютъ враждебныя и слѣпыя страсти“. Король заявилъ, что онъ не уступитъ и палата, большинствомъ голосовъ, одобрила эту рѣшимость въ адресѣ отъ 12 февраля 1848 г.

Оппозиція рѣшила отвѣтить на этотъ адресъ внушительной демонстраціей. На 22 февраля назначенъ былъ реформистскій банкетъ въ одномъ изъ садовъ Елисейскихъ Полей, на который участники должны были, собравшись на площади Мадлены, отправиться процессіей между шпалерами національной гвардіи, выстроенной безъ оружія.

Правительство запретило не банкетъ, а собраніе на площади Мадлены и шествіе по улицамъ. Оппозиція воспользовалась этимъ, чтобы отмѣнить и самый бан-

кетъ, вызвавъ негодованіе своихъ союзниковъ республиканцевъ, собравшихся въ редакціи одной изъ своихъ радикальныхъ газетъ.

Этотъ не состоявшійся банкетъ и послужилъ ближайшимъ поводомъ для французской революціи 1848 года.

22 февраля волненія ограничились беспорядочными сборищами рабочихъ и студентовъ, криками „vive la réforme“, кое-гдѣ пѣніемъ марсельезы, нѣсколькими схватками съ полиціей и увеселительнымъ костромъ въ Тюльерійскомъ саду.

23 февраля, утромъ, въ рабочихъ кварталахъ появились баррикады, а вызванная для подавленія бунта національная гвардія обнаружила несомнѣнные признаки своего враждебнаго отношенія къ Гизо и сочувствія реформѣ. Луи-Филиппъ, привыкшій видѣть въ національной гвардіи выраженіе общественнаго мнѣнія и опору своей власти, упалъ духомъ и принялъ отставку Гизо. Вѣсть о побѣдѣ партіи реформы быстро распространилась въ городѣ, который былъ вечеромъ иллюминированъ и веселая толпа наполнила бульвары. Но противъ зданія министерства иностранныхъ дѣлъ, гдѣ жилъ Гизо, и которое охранялось карауломъ изъ 50 артиллеристовъ, собралась враждебно-настроенная толпа, которою руководилъ опытный революціонеръ Лагранжъ. Раздался случайно или преднамѣренно пущенный выстрѣлъ, на который солдаты отвѣтили залпомъ. Толпа была разсѣяна, но происшествіе это дало революціонерамъ поводъ устроить манифестацію: раненыхъ повезли по бульварамъ въ повозкѣ, освѣщенной факелами, при крикахъ „измѣна“, „мечь“! Присутствующіе распространили въ народѣ слухъ, что правительство обмануло его, чтобы создать поводъ для избіенія его солдатами.

За ночь восточные кварталы города покрылись баррикадами; и съ утра 24 февраля руководство движеніемъ приняли республиканцы. За ночь Луи-Филиппъ рѣшился образовать министерство Тьера, при участіи въ немъ Оддильона Барро и назначилъ маршала Бюжо начальникомъ національ-

ной гвардіи. Правительство не рѣшилось атаковать возставшихъ, употребивъ противъ нихъ огнестрѣльное оружіе, и стянуло войска къ Тюльери, послѣ чего сдѣлало попытку послать О.-Барро для переговоровъ съ возставшими, которые его, однако, не приняли и перешли въ наступленіе. Послѣ занятія ими Пале-Рояля и незначительной стычки съ отрядомъ войскъ, на время преградившимъ путь ко дворцу, народная толпа въ пятомъ часу дня безпрепятственно проникла въ Тюльери и разрушила тронъ, отъ котораго незадолго до того, покинувъ дворецъ, Луи-Филиппъ отказался въ пользу малолѣтняго внука, отвезеннаго матерью, герцогиней Орлеанской, въ Бурбонскій дворецъ подъ защиту палаты депутатовъ. Палата провозгласила графа Парижскаго королемъ, а мать его регентшей и закрыла засѣданіе. Затѣмъ толпа съ криками „A bas la royauté“ заняла палату. Оставшіеся въ ней республиканскіе депутаты, съ одобренія ворвавшейся въ парламентъ толпы, образовали изъ своей среды временное правительство, въ составѣ лицъ, впередъ намѣченныхъ въ списокѣ, составленномъ въ редакціи ихъ органа National (Ламартинъ, Араго, Мари, Гарнье-Паже, Кремьё и Ледрю-Ролень). Въ то же время главари тайныхъ обществъ, совмѣстно съ редакторами La Rêforme, дополнили этотъ списокъ тремя своими кандидатами (Флоконъ, Луи-Бланъ и рабочій механикъ Альбергъ; кромѣ того они помѣстили и въ своемъ списокѣ Ледрю-Ролена, значившагося въ списокѣ республиканскихъ парламентаристовъ).

Такимъ образомъ временное правительство составилось изъ двухъ политическихъ группъ, которыхъ объединяло только общее желаніе водворить во Франціи республику, значеніе которой они понимали различно: тогда какъ одни стремились путемъ революціи политической достигнуть народо-властія на основѣ всеобщаго избирательнаго права, въ условіяхъ республики демократической, сохраняющей трехцвѣтное знамя, другіе помогали революціи соціальной и хотѣли сейчасъ-же, не ожидая рѣшенія національнаго собранія, издать законъ о рабочихъ; ихъ идеаломъ была респу-

блика политическая и социальная, имѣющая своей эмблемой красный флагъ.

Рабочіе, лишенные корпоративной организаціи и чуждые какой-либо политической или социальной доктрины, подчинялись естественно вліянію социалистовъ, обѣщавшихъ имъ безотлагательное улучшеніе ихъ участи. Вожди социалистовъ распоряжались этой стихійной силой черезъ посредство клубовъ. Они водили ихъ вооруженными въ Городскую Ратушу (*Hôtel de Ville*), гдѣ засѣдало временное правительство для предъявленія ему тѣхъ или иныхъ требованій.

Такимъ порядкомъ потребовано было у правительства (25 февраля) вооруженной толпой рабочихъ право на трудъ (одна изъ ходячихъ въ то время социалистическихъ формулъ). Л.-Бланъ немедленно-же редактировалъ декретъ такого содержанія: „Правительство французской республики обязуется обезпечить существованіе рабочаго трудомъ, а трудъ предоставить всѣмъ гражданамъ“,—а на другой день послѣдовало распоряженіе о немедленномъ учрежденіи національныхъ мастерскихъ („*ateliers nationaux*“), составляющихъ конечную цѣль социальной теоріи Л. Блана въ его трудѣ „*Organisation du travail*“.

Революція вызвала неизбежный промышленный кризисъ, дѣла стали, многія предпріятія прекратили производство и, какъ всегда въ подобныхъ случаяхъ бываетъ, отъ кризиса болѣе всего пострадали рабочіе, которые во множествѣ лишились всякаго заработка. Но такъ какъ одновременная организація правительственныхъ безхозяйскихъ мастерскихъ по всѣмъ отраслямъ труда, а слѣдовательно и сбыта выработанныхъ произведеній, составляетъ вообще, а въ особенности въ смутное революціонное время, задачу едва ли исполнимую и требующую во всякомъ случаѣ затраты громаднаго капитала, которымъ временное правительство республики не обладало, то незанятымъ рабочимъ, число которыхъ доходило въ Парижѣ до 100,000 человѣкъ, предоставлены были преимущественно земляныя работы съ однообразною ежедневною платою по 2 франка, которая выдава-

лась и не работавшимъ людямъ. Марсово поле, на которомъ эти работы яко-бы производились, стало рабочимъ политическимъ клубомъ и обширной ареной для соціалистической пропаганды. Обошелся этотъ способъ содержанія рабочихъ болѣе семи милліоновъ франковъ.

Между тѣмъ республиканское большинство временнаго правительства, чувствуя подъ собой поддержку почти всей страны и значительнаго большинства парижскаго населенія, очень скоро освободилось изъ подъ вліянія соціалистовъ и руководимыхъ ими рабочихъ.

Рабочей національной гвардіи оно противопоставило буржуазную національную гвардію и мобилей изъ молодыхъ людей, получавшихъ жалованье. Когда 16 апрѣля, рабочіе, созванные клубами и засѣдавшей въ Люксембургѣ делегаціей изъ членовъ правительства-соціалистовъ, направились отъ Марсова—поля къ городской ратушѣ для предъявленія правительству требованія относительно „прекращенія эксплоатаціи чловѣка чловѣкомъ и организаціи труда на принципѣ ассоціаціи“,—то Ледрю-Ролень, порвавъ тогда съ соціалистами, вызвалъ къ ратушѣ вооруженную національную гвардію, которая, при крикахъ „долой коммунистовъ“, принудила рабочихъ удалиться.

Выбранное, на основаніи всеобщей подачи голосовъ, учредительное собраніе открыто было 5 мая. Большинство его членовъ было солидарно съ буржуазной фракціей временнаго правительства: оно было за демократическую республику и противъ соціальной революціи. Избранная имъ пяти-членная исполнительная комиссія, которой предоставлено было назначеніе министровъ, состояла изъ Араго, Гарнье-Паже, Мари, Ламартина и Ледрю-Ролена. Въ собраніи было довольно значительное консервативное меньшинство, враждебное если не республикѣ, то демократическимъ принципамъ революціи (его звали *la reaction*), а на противоположномъ лѣвомъ флангѣ явно недовольные собраніемъ соціалисты, дважды пытавшіеся поднять возстаніе для учрежденія правительства соціальной реформы.

Соціалісти внесли въ собраніе запросъ по польскому вопросу и по этому поводу толпы ихъ сторонниковъ, при участіи иностранныхъ эмигрантовъ, вторглись съ ними въ залу засѣданій собранія, объявили его распущеннымъ и выбрали временное правительство въ составѣ Барбеса, Бланки, Л. Блана, Альбера, Прудона, Распаля и Ледрю-Ролена. Мятежники воспользовались случаемъ, чтобы издать нѣсколько радикальныхъ декретовъ и обложить богачей милліарднымъ налогомъ,—но на скоро вызванные мобили и національная гвардія ихъ быстро и безъ труда разогнали.

Затѣмъ наступили іюньскіе дни. Собраніе было озабочено ликвидаціей національныхъ мастерскихъ. Распорядившись сперва удаленіемъ иногороднихъ безработныхъ, оно затѣмъ рѣшило закрыть національныя мастерскія, а рабочимъ было предложено или поступить въ военную службу или оставить Парижъ съ тѣмъ, что въ провинціи имъ будутъ предоставлены земляныя работы. Тогда, руководимые продолжавшимъ существовать въ Люксембургѣ комитетомъ прежняго временнаго правительства, рабочіе, которые были вооружены, забаррикадировались въ своихъ восточныхъ кварталахъ и потребовали роспуска собранія и возстановленія національныхъ мастерскихъ. Собраніе, предоставивъ генералу Кавеньяку исполнительную власть, поручило ему подавить возстаніе, что удалось только послѣ безпощаднаго боя, длившагося три дня (24, 25 и 26 іюня), въ которомъ убитыхъ съ обѣихъ сторонъ было болѣе 5000. Взятые въ плѣнъ были разстрѣлены или сосланы.

Попытки оставшихся въ составѣ собранія главарей соціалистическихъ школъ Консидерана и Пьера Леру, а также инициатора ученія анархизма во Франціи Прудона развить свои мысли, были встрѣчаемы смѣхомъ или негодующими криками. Всѣ періодическія изданія соціалистическаго направленія, числомъ тридцать два, были прекращены. Соціализмъ во Франціи, въ видѣ партіи, пересталъ существовать.

III.

Засѣдавшій въ Люксембургѣ правительственный органъ боевого социализма, состоявшій изъ членовъ временнаго правительства Л. Блана, А. Марра, Ф. Флокона и рабочаго Альбера, имѣвшій въ своемъ распоряженіи социалистовъ Косидьера и Ледрю-Ролена на важнѣйшихъ постахъ префекта парижской полиціи и министра внутреннихъ дѣлъ,—просуществовалъ четыре мѣсяца и два дня и за этотъ краткій срокъ своей дѣятельности онъ успѣшно подготовилъ во Франціи почву для возстановленія абсолютной имперіи

Луи-Наполеонъ Бонапартъ, когда-то написавшій сочиненіе на социальную тему *), употребивъ для захвата власти чисто социалистическій пріемъ плебесцитовъ, непосредственнаго обращенія къ суверенному народу, обратилъ народное представительство въ красивую декорацію, а свободу въ обманчивый призракъ.

Лоренцъ-Штейнъ, предсказывавшій въ 1842 г., что слѣдующая революція во Франціи будетъ социалистическою, въ сочиненіи, изданномъ въ 1850 г. (*Geschichte der socialen Bewegung in Frankreich von 1789 bis unsere Tage*), такъ опредѣляетъ, въ предисловіи, значеніе революціи 1848 года: „Она ничего не измѣнила въ устройствѣ общества, она сохранила его дѣленіе на классы, она не создала чьей-либо социальной независимости, она никого не обогатила, а разорила тысячи людей“.

Исторія представляетъ многочисленныя и бесспорныя доказательства того, что наслѣдственная монархія, въ которой верховная власть составляетъ историческое и безспорное достояніе царствующей династіи, гдѣ она стоитъ внѣ домогательствъ политическихъ честолюбцевъ и пріобрѣвшихъ случайное значеніе группъ населенія,—при соотвѣтствующемъ степени развитія народа, участіи его представителей въ законодательствѣ и управленіи,—что такая монархія

---

*) „*Extinction du pauperisme*“; въ ней предлагался проектъ земледѣльческихъ колоній рабочихъ ассоціацій.

даетъ наиболѣе прочный устой государственному устройству служить самымъ надежнымъ обезпеченіемъ свободы и порядка, наиболѣе содѣйствуетъ спокойному, здоровому росту нравственныхъ и матеріальныхъ силъ страны. Царствованіе Наполеона III доказываетъ, что верховная власть въ рукахъ монарха—авантюриста обладаетъ прямо противоположными свойствами. Абсолютизмъ Наполеона, такъ же какъ деспотизмъ его геніальнаго дяди, были въ исторіи Франціи только не-обходимымъ зломъ, вызваннымъ сперва якобинскою, потомъ социалистическою смутами. Вредъ властвованія подобныхъ политическихъ авантюристовъ заключается въ томъ, что въ своей внутренней и виѣшной политикѣ они вынуждены руководствоваться не столько интересами государства, сколько постоянной заботой объ упроченіи своего личнаго положенія, объ укрѣпленіи своей власти, лишенной историческихъ основъ.

Наполеонъ III въ политикѣ своей опирался, кромѣ многочисленной бюрократіи, на войско и на духовенство, обезпечивавшее ему поддержку сельскаго населенія.

Для поддержанія своего обаянія, какъ верховнаго вождя вооруженныхъ силъ Франціи онъ вынужденъ былъ вести частыя войны, изъ которыхъ въ сущности ни одна не со-отвѣтствовала реальнымъ интересамъ страны, а итальянская война 1859 года вызвала конфликтъ между двумя общественными элементами, служившими ему опорой: военные лавры Мадженты и Сольферино вызвали враждебное Императору отношеніе католическаго духовенства. Оппозиція католиковъ побудила его стать на путь уступокъ либераламъ, начавъ съ общей амнистіи ссыльнымъ и эмигран-грантамъ. Законодательной палатѣ предоставлено было право отвѣчать адресомъ на тронную рѣчь; разрѣшено было печатать происходящія въ ней пренія полностью въ официальной газетѣ (Moniteur); допущено было изданіе умѣренно-либеральныхъ газетъ; разрѣшены были рабочіе союзы (1864). Послѣ несчастной Мексиканской экспедиціи, между 1866 и 1869 годами, либераламъ сдѣланы были новыя уступки

вмѣсто отвѣтнаго адреса на тронную рѣчь палатѣ представлено было право дѣлать министрамъ запросы; предметы вѣдомства сената получили большую опредѣленность признаніемъ за нимъ права отмѣнять всякій принятый палатой законъ по его не конституціонности; въ 1868 г. отмѣнена была дискреціонная власть правительства разрѣшать и запрещать періодическія изданія; въ томъ-же году послѣдовалъ законъ, разрѣшавшій собранія въ закрытыхъ помѣщеніяхъ, но съ правомъ правительства отсрочивать ихъ и совсѣмъ запрещать.

Какъ ни незначительны были эти уступки но онѣ разбудили политическую жизнь. При существовавшихъ официальныхъ кандидатурахъ (кандидаты въ депутаты предлагались и поддерживались правительствомъ, которое опредѣляло и границы избирательныхъ округовъ), — на выборахъ 1863 г. изъ общаго числа 284 депутатовъ прошло 35 независимыхъ и это меньшинство стало вліять на общественное мнѣніе, осуждая мѣры и предпріятія правительства, заявляя о необходимыхъ свободахъ. Въ палатѣ образовалась либеральная имперіалистская партія, желавшая поддерживать императора, но недовольная министрами, которые каждый по своему вѣдомству дѣйствовали совершенно произвольно, сводя дѣятельность палаты къ простой легализаціи законопроектовъ и бюджета. Образовалась средняя партія (*tiers parti*), которая не стремясь къ парламентаризму, домогалась образованія солидарнаго министерства съ предоставленіемъ палатѣ контроля надъ нимъ и возможности вліять на общую политику. Она стояла также за распространеніе на печать общаго права и допущенія собраній безъ ограниченія числа участниковъ двадцатью. Партія эта предложила въ этомъ смыслѣ поправку къ адресу, за которую подавалось въ 1865 и 1866 г.г. по 65 голосовъ. Она осуждала воинственную политику правительства относительно Пруссіи и Италіи и стояла за миръ.

Общіе выборы 1869 г. сократили противъ 1863 г. на милліонъ число голосовъ поданныхъ за предложенныхъ

правительствомъ кандидатовъ, а коалиція роялистовъ и республиканцевъ приобрѣла лишнихъ полтора милліона голосовъ. *Tiers parti*, въ числѣ 116 депутатовъ, сталъ самой вліятельной фракціей палаты, которой было обезпечено большинство при условіи совмѣстнаго съ ней голосованія 40 лѣвыхъ.

Императоръ рѣшилъ измѣнить соотвѣтственно такому результату выборовъ составъ министерства и утвердилъ въ сентябрѣ 1869 г. сенатусъ-консультъ, дававшій министерству, законодательному корпусу и сенату болѣе соотвѣтствующее парламентарнымъ порядкамъ устройство.

Министры зависятъ только отъ императора, но образуютъ совѣтъ и отвѣтственны въ томъ смыслѣ, что сенату предоставлено было право предъявлять къ нимъ обвиненія. Законодательный корпусъ самъ избираетъ свое бюро и издаетъ для себя регламентъ; ему предоставлена законодательная инициатива, право запроса и мотивированнаго очереднаго порядка; онъ вотируетъ бюджетъ и въ правѣ разсматривать его по отдѣламъ росписи. Сенатъ обсуждаетъ законы въ публичныхъ засѣданіяхъ, получаетъ право запроса и изданія своего регламента; ему принадлежитъ право признать законъ вотиrowанный законодательнымъ корпусомъ—не конституціоннымъ.

Послѣ этого *tiers-parti* распался на двое. Значительное большинство его, съ бывшимъ республиканцемъ призваннымъ теперь къ составленію министерства, Оливье во главѣ, послѣднимъ учредительнымъ закономъ удовлетворенное, образовало въ палатѣ правый центръ; меньшинство *tiers parti* изъ парламентаристовъ, находившихъ предоставленныя палатѣ права недостаточными стало лѣвымъ центромъ; правая составила изъ правительственныхъ кандидатовъ; крайнюю правую позицію занимали такъ называемые аркадійцы (собирались *rue de l'Arcade*), сторонники рѣшительной автократіи, а также воинственной политики, рассчитывавшіе, что успѣшная война, укрѣпивъ императорскую династію, дастъ возможность вернуть-

ся къ прежнему абсолютному;—наконецъ лѣвая, въ ничтожномъ числѣ сорока членовъ, состояла преимущественно изъ республиканцевъ.

Во время выборовъ 1869 г. образовалась республиканская партія „Непримиримыхъ“ (*Irreconcilables*), принявшихъ избирательную программу Гамбетты при выборахъ въ Бельвинѣ (*programme de Belleville*). Программа эта соотвѣтствуетъ еще и теперь предъявляемымъ требованіямъ крайняго политическаго радикализма. Малочисленные въ то время социалисты, безъ организаціи и въ неопредѣленной окраскѣ, примкнули къ этой радикальной партіи, которая старалась вызвать въ обществѣ возбужденіе посредствомъ манифестацій, стачекъ въ провинціи и беспорядковъ въ Парижѣ, даже попытокъ устраивать баррикады, попытокъ не обѣщавшихъ впрочемъ въ перестроенной столицѣ никакого успѣха.

Между тѣмъ недовольство существующимъ порядкомъ проявлялось въ самомъ правительствѣ, въ составѣ котораго было четыре министра изъ лѣваго центра. Оливье былъ поставленъ въ необходимость согласиться на отмѣну официальныхъ кандидатуръ. Оказалось необходимымъ приступить къ пересмотру конституціи и новымъ сенатусъ-консультомъ 20 апрѣля 1870 г. сдѣланы были новые шаги въ сторону парламентаризма. Сенатъ по назначенію становился верхней законодательной палатой, раздѣляющей законодательную власть съ палатой выборной, а власть учредительная (*pouvoir constituant*), которой онъ пользовался съ 1852 г. предоставлялась народу, такъ что всѣ измѣненія конституціи должны быть совершаемы только въ плебисцитарномъ порядкѣ. Обращеніе къ народу было изложено въ такой формѣ, предложенной Руэ (*Rouher*), что утвердительный отвѣтъ долженъ былъ выражать согласіе на предпринятые либеральныя реформы, но также и желаніе „сохранить императора и облегчить ему способы передать корону сыну“. Республиканская партія при этихъ условіяхъ рѣшила отвѣчать отрицательно. Тѣмъ не менѣе плебесцитъ 8 мая далъ

8 миллионѣвъ утвердительныхъ отвѣтовъ и 1.500,000 отрицательныхъ.

Послѣ плебесцита ушли не одобрявшіе его министры, принадлежавшіе къ лѣвому центру и въ томъ числѣ миролюбивый министръ иностранныхъ дѣлъ Дарю, котораго замѣнилъ герцогъ Грамонъ. Въ правительственныхъ совѣтахъ возобладала воинственная политика „аркадійцевъ“, приведшая къ Седану, къ низложенію Наполеона и къ учрежденію „правительства національной обороны“.

Въ Парижѣ республиканская партія состояла, какъ указано выше, изъ республиканцевъ и присоединившихся къ нимъ социалистовъ, но въ составъ правительства обороны вошли только чистые республиканцы. Между тѣмъ при учрежденіи во время осады Парижа національной гвардіи, вооружены были всѣ люди способные носить оружіе (болѣе 300,000) и этимъ воспользовался профессиональный революціонеръ Бланки, чтобы образовать отрядъ, требовавшій учрежденія Парижской коммуны и захватившій въ плѣнъ правительство, которое высвободила національная гвардія мирныхъ кварталовъ. Чтобы укрѣпить свое положеніе, правительство обратилось къ плебесциту и парижское населеніе высказалось за него 357,000 голосами противъ 62,000. Революціонеры ограничились однимъ нападеніемъ на Городскую Ратушу и были отбиты, послѣ чего правительство закрыло клубы и учредило полевые суды.

Послѣ капитуляціи Парижа было заключено перемиріе для избранія Національнаго Собранія. Выборы послѣдовали 8 февраля 1871 г. Въ Парижѣ было выбрано немало революціонеровъ, въ департаментахъ, занятыхъ непріятелемъ—преимущественно республиканцы,—въ остальной-же Франціи крестьяне дали преобладаніе легитимистамъ и орлеанистамъ, которые и составили въ національномъ собраніи большинство.

Собраніе, собравшись въ Бордо, отказалось признать республику и не пожелало предпрѣшать образъ правленія, который Франція приметъ окончательно,—а исполнительную

власть поручило Тьеру, предоставивъ ему избрать министровъ. Собрание вотировало миръ и низложеніе Наполеона, избравъ Версаль мѣстомъ своего пребыванія.

Въ Парижѣ республиканская партія въ довольно неопредѣленной социалистической окраскѣ основала „Республиканскую федерацію національной гвардіи“, призванную защищать республику. Федерация избрала „Центральный комитетъ“ въ качествѣ распорядительнаго органа. Онъ долженъ былъ состоять изъ 60 делегатовъ, но ихъ дѣйствительное число не превышало 30. Комитетъ этотъ взялъ на себя управленіе возставшимъ Парижемъ и помѣстился, по примѣру прежде правившихъ революціонныхъ организацій Парижа, въ Городской Ратушѣ (Hôtel de Ville).

Въ цѣляхъ примирительныхъ, по почину участковыхъ мэровъ, 26 марта 1876 г. произведены были выборы въ „Совѣтъ Парижской Коммуны“. Выборы эти, произведенные по системѣ всеобщаго голосованія, дали значительное большинство сторонникамъ Центрального Комитета, то есть партіи возстанія. Тогда избранные въ Совѣтъ члены, возстанію на сочувствовавшіе, отказались въ немъ засѣдать. Революціонеры сохранили Центральный Комитетъ, долженствовавшій служить связью между Совѣтомъ и національною гвардіей. Это сочетаніе Совѣта и Комитета стали называть Парижской Коммуной.

Тьеръ распорядился вывести изъ Парижа и фортовъ правительственныя власти и войска, стянувъ послѣднія къ Версалу для защиты Національнаго Собранія. Онъ не забылъ, очевидно, послѣдствій отданнаго имъ и Оддилономъ-Барро, въ февральскіе дни 1848 г., приказа войскамъ не стрѣлять и вознамѣрился теперь уничтожить революціонную партію рѣшительнымъ и вѣрнымъ ударомъ.

Коммуна организовалась въ десять комиссій, изъ которыхъ главная была „исполнительная коммиссія“, которую 20 апрѣля замѣнили девятью делегатами, по одному отъ каждой изъ остальныхъ комиссій, которые распредѣлили между собою министерства.

Въ составѣ Коммуны было девятнадцать членовъ Интернаціонала съ болѣе или менѣе опредѣленной соціалистической программой, около того-же числа „бланкистовъ“, сторонниковъ революціи жестокой и беспощадной, но безъ всякой опредѣленной цѣли; были революціонеры желавшіе воскресить традиціи 1793 г., а также нѣкоторые члены „Горы“ въ Собраніи 1849 г.

Попытки учредить, по примѣру парижской, независимыя отъ Національнаго Собранія коммуны въ другихъ большихъ городахъ Франціи успѣха не имѣли, онѣ были немедленно подавлены.

Парижская Коммуна приняла красный флагъ, какъ эмблему соціалистической партіи и возстановила республиканскій календарь; она объявила всѣ дѣйствія „версальскаго правительства“, какъ она называла Національное Собраніе и правительство Тьера—ничтожными, не имѣющими законной силы.

Въ манифестѣ 19 апрѣля, Коммуна ознакомила населеніе съ своей государственной теоріей, заключающейся въ „абсолютной автономіи Коммуны распространенной на всѣ отдѣльныя мѣстности Франціи“. Каждой коммуны должна принадлежать вся полнота власти: „вотированіе бюджета, опредѣленіе и распредѣленіе налоговъ; руководство всѣми мѣстными учрежденіями; устройство суда, полиціи и учебной части; организація національной гвардіи, избирающей своихъ начальниковъ и служащей единственной охраной порядка“.—Единство Франціи обусловливалось-бы „ассоціаціей коммунъ приставшихъ къ соглашенію (*adherentes au contrat*)“.

Такое коммунистическое устройство приписываютъ вліянію Бакунина. Инициативѣ Интернаціонала обязаны и немногія отдѣльныя мѣропріятія Коммуны, въ томъ числѣ предоставленіе полноправности незаконорожденнымъ дѣтямъ.

Послѣ взятія Парижа регулярными войсками, Коммуна прекратила свое мятежное существованіе, а коммунары,

сами называвшіе себя „федералистами“ были въ буквальномъ смыслѣ этого слова истреблены. Дѣйствительное число убитыхъ и растрѣлянныхъ коммунаровъ осталось неизвѣстнымъ, но по официальнымъ свѣдѣніямъ погребено ихъ было 6500; 7500 было сослано въ Новую Каледонію при 18.000 обвинительныхъ приговорахъ; успѣвшіе эмигрировать были осуждены заочно. Полевые суды сохранены были до 1876 г. и въ послѣдній годъ своего существованія еще постановили 52 приговора*).

Здѣсь полезно отмѣтить, что Луи-Бланъ, котораго социальныя утопіи съ національными мастерскими и руководящая революціонная дѣятельность котораго въ 1848 г. вызвали главнымъ образомъ трехдневную (24—26 іюня) кровавую бойню на баррикадахъ Сенъ-Антуанскаго предмѣстья, - послѣ вынужденнаго пребыванія въ Англіи, въ отрезвляющихъ условіяхъ тамошней общественной жизни, вернувшись во Францію въ 1870 г., сталъ сторонникомъ версальскаго правительства и расправы его надъ парижскою коммуной.

При умѣломъ управленіи Тіера, въ условіяхъ порядка и внутренняго міра, Франціи удалось, успѣшно и въ короткое время залѣчить раны причиненныя ей несчастною войною и уплатить до срока пятимилліардную контрибуцію.

Республика окончательно упрочилась во Франціи только въ январѣ 1879 года, когда въ званіи президента республики радикаль Гриви смѣнилъ орлеаниста Макъ-Магона. При монархическомъ большинствѣ Національнаго Собранія и послѣ соглашенія легитимистовъ съ орлеанистами о признаніи графа Шамбора, Генриха V-го, королемъ, а графа Парижскаго его наслѣдникомъ, возстановленіе традиціонной монархіи во Франціи не состоялось только вслѣдствіе рѣшительнаго отказа графа Шамбора признать національнымъ трехцвѣтное знамя, символъ революціи.

---

*) Ch. Seignobos. «Histoire politique de l'Europe Contemporaine», p. 178.

Если-бы преемникомъ законной династіи былъ въ это время челоѣкъ менѣе посредственный и болѣе дорожившій властью чѣмъ ея отвлеченными эмблемами, Франція,—послѣ почти столѣтія вызванныхъ соціальной демагогіей якобинцевъ и послѣдующими соціальными утопіями революціонныхъ смуть; послѣ цѣлаго моря пролитой въ гражданскихъ междоусобіяхъ крови; пройдя дважды сквозъ строй наполеоновскаго абсолютизма; потерявъ на поляхъ сраженій сотни тысячъ своихъ сыновъ во славу бонапартизма и въ династическихъ интересахъ корсиканскаго авантюриста; послѣ утраты, наконецъ, двухъ богатѣйшихъ провинцій, отброшенная отъ береговъ Рейна,—послѣ всего этого Франція вернулась-бы къ исходному пункту традиціонной, либеральной монархической конституціи, полученной ею еще въ августѣ 1789 года въ условіяхъ свободы и равенства, съ упраздненіемъ всѣхъ сословныхъ, городскихъ и провинціальныхъ привилегій.

Парижской Коммуной закончились во Франціи революціонныя возстанія, ведущія свое преемство отъ якобинцевъ и отражавшія соціальный коммунизмъ утопистовъ. Послѣ того, во Франціи какъ и въ другихъ странахъ революціонный соціализмъ нашелъ себѣ выраженіе въ рабочемъ движеніи, руководимомъ профессиональными организаціями или соціаль-демократическими, состоящими изъ послѣдователей ученія Карла Маркса, который открылъ, якобы, законы экономической эволюціи, долженствующей, въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ, привести къ упраздненію капитала и ренты сперва въ промышленности обрабатывающей, съ обобщественіемъ орудій производства въ рукахъ самихъ рабочихъ, послѣ чего тотъ-же процессъ долженъ совершиться и въ земледѣліи.

Это рабочее движеніе, вызвавъ классовую организацію рабочаго пролетаріата, проявляется въ практической дѣятельности преимущественно стачками, которыя сопровождаются иногда безпорядками, легко прекращаемыми мѣрами обыкновеннаго полицейскаго воздѣйствія.

Какого-бы мнѣнія ни держаться относительно значенія современныхъ соціалистическихъ теорій, считать-ли ихъ непреложными законами экономической и соціальной эволюціи или соціальными утопіями, повторяющими заблужденія описанныхъ выше коммунистическихъ ученій, — здѣсь не мѣсто объ этомъ распространяться, — во всякомъ случаѣ появленіе современныхъ теорій социализма, сопровождалось въ соціологіи тѣми благими послѣдствіями, которыя въ области естествознанія, имѣли алхимія и исканіе философскаго камня: соціалистическія ученія и вызванное ими рабочее движеніе дали толчекъ для принятія повсемѣстно цѣлаго рода законодательныхъ мѣръ, направленныхъ къ улучшенію быта рабочихъ въ условіяхъ настоящаго капиталистическаго строя, для обезпеченія имъ справедливаго заработка и средствъ существованія въ старости или по утратѣ ими трудоспособности, вслѣдствіе болѣзни и увѣчій.

Современный социализмъ, революціонный только по преслѣдуемой имъ цѣли, да развѣ въ экзальтированныхъ рѣчахъ участниковъ соціалистическихъ собраній, не представляетъ теперь никакой серьезной опасности для существующаго строя и общественнаго порядка въ странахъ культурныхъ.

Нѣмецкіе соціаль-демократы, на партейтагѣ въ С. Галленѣ, въ резолюціи, направленной противъ анархизма, между прочимъ постановили: „...Анархизмъ, принципиально признающій политику насилія, основанъ на грубомъ непониманіи роли насилія въ исторіи народовъ. Насиліе есть въ такой-же мѣрѣ реакціонный, какъ и революціонный факторъ; чаще служило оно реакціи, чѣмъ революціи. Тактика индивидуальнаго примѣненія насилія не приводитъ къ цѣли и, насколько оно оскорбляетъ нравственное чувство массы, она должна быть признана вредной и потому отвергнута“.

Бурные ручьи революціоннаго социализма на Западѣ, искусно регулируемые прочными запрудами, спокойно текутъ въ широкомъ и величавомъ руслѣ тихо протекающей экономической и соціальной эволюціи.

Очеркъ этотъ имѣетъ цѣлью противопоставить трезвую логику историческихъ фактовъ патологическому увлеченію соціальной революціей, охватившему теперь въ Россіи широкіе круги населенія, преимущественно учащуюся молодежь, а въ послѣднее время и промышленныхъ рабочихъ.

Въ своемъ революціонномъ экстазѣ русскіе соціалисты не считаются ни съ неизмѣнными законами общественнаго и экономическаго развитія, ни съ основными принципами того соціальнаго ученія, подъ знаменемъ котораго они идутъ на разрушеніе современнаго общества;—возбуждая къ этой разрушительной работѣ крестьянъ обманчивой приманкой даровой „ограбной“ земли, они закрываютъ глаза на общее, коренное миросозерцаніе глубокихъ народныхъ массъ;—забывъ завѣты своего учителя Ласаля, они знаютъ не хотятъ того соотношенія реальныхъ силъ, которое у насъ въ данное время существуетъ между революціонными элементами и царской манархической властью, сильной тысячелѣтней исторической традиціей и опирающейся на дисциплинированную армію въ миллионъ штыковъ по мирному времени.

Историческое прошлое революціонныхъ движеній показываетъ, что и въ соціальной механикѣ дѣйствуетъ законъ, въ силу котораго уголъ паденія равенъ углу отраженія. Сила реакціи въ консервативномъ направленіи всегда пропорціональна степени революціоннаго напряженія въ предшествующее ей смутное время. Поэтому широкій размахъ революціоннаго радикализма русскихъ соціалистовъ, настоятельно выдвигающій на первый планъ интересы порядка, грозитъ большой опасностью едва начавшемуся у насъ обновленію всего строя общественной жизни и еще не успѣвшимъ укорениться въ русской почвѣ живительнымъ началамъ свободы, равноправія и общественной самодѣятельности.

Г. Е.

Цѣна **30** коп.